

УДК 130.3

О.В. Панченко, канд. филос. наук

Севастопольский национальный институт ядерной энергии и промышленности

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В НЕОКЛАССИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Раскрывается сущность неоклассического философского подхода в решении современных проблем гражданского общества.

Одним из актуальных вопросов современной социальной теории является проблема легитимации государственной власти и связанная с ней задача строительства гражданского общества. На макросоциальном уровне, в условиях расширения взаимодействия стран и регионов выполнение этой задачи ориентировано на постепенную замену процессов глобализации «под нажимом сверху» глобализацией демократической, бюрократизации общественной жизни самоорганизацией, более соответствующей современным представлениям о будущем обществе как «личности личностей».

Учитывая, что любое общество можно рассматривать не только с точки зрения его социальной структуры, социально-психологических механизмов функционирования, но и с точки зрения картины мира, общей для всех его членов, достойную лепту в решение поставленной задачи должно внести и «философское ведомство».

Целью настоящей статьи является анализ проблем гражданского общества с позиций неоклассического философского подхода к пониманию исторического процесса.

Реализация поставленной цели предусматривает выполнение двуединой задачи: раскрыть смысл неоклассического философского подхода к пониманию и исследованию социума и показать его эвристическое значение в конструировании современной модели гражданского общества.

Всеобщие социальные проблемы переходного периода современной истории являются предметом исследований многих философов. Среди них работы Ж. Бодрийяра, И. Бойченко, В. Бранского, С. Крымского, Ю. Павленко, А. Панарина, Э. Тоффлера, В. Федотовой, Ю. Хабермаса и других. Все авторы солидарны в том, что идейная основа и главная политическая ценность западного общества, либерально-демократическая идея, требует внесения существенных коррективов в ее содержание, так как в прежнем виде она не способствует построению справедливого и устойчивого общества.

Однако поиск приемлемых решений затрудняют некоторые исходные установки «новой» философии постмодернизма: гносеологический и

моральный релятивизм, война с «метанарративами», «игровое» отношение к жизни. «Когда такой релятивизм распространяется на политические ценности, на которых основан сам режим, – отмечает американский политический философ Ф. Фукуяма, – либерализм начинает разрушать сам себя»

[1, с. 383].

Результаты исследований известных представителей социальной науки, Д. Белла, П. Бергера, И. Валлерстайна, Р. Дарендорфа, также свидетельствуют о том, что преобладание в менталитете, «неотрефлектированном коллективном сознании» (Л. Февр), современного западного общества скептических настроений не случайно. Оно вызвано «замутнением телоса» (Э. Гуссерль), утратой индустриальным обществом высших целей и ценностей, заменой их утилитарными, связанными с удовлетворением эгоистическо-гедонистических потребностей. Своеобразным результатом духовной деконструкции индустриального мира в постиндустриальный период социальной эволюции являются мультикультурализм и антиэтатизм.

Руководствуясь признанной социальной философией и наукой постулатом марксизма о том, что философия доказывает свою правоту действенным, практическим путем, для дальнейшего поступательного развития общества необходимо противопоставить пессимистической метафизике «новейших философов» оптимистическую мировоззренческую альтернативу.

Представляется правомерным полагать, что источниками для выработки эффективных принципов и установок конструирования нового общества могут служить главные интуиции классических философских учений: в онтологии, например, – постулат о единстве бытия, в гносеологии – корреспондентская концепция истины, в методологии – диалектика, в аксиологии – идеи блага, справедливости и другие. Продолжением и развитием классических теорий в современных социокультурных условиях должно стать наделение их дополнительными смыслами, открытыми философией модерна-постмодерна. Такой подход, признающий преемственность теоретического знания, обращающий внимание в первую очередь на достижения классиков социально-философской мысли, уместно назвать неоклассическим.

По своим исходным установкам он не вписывается в парадигмальную эпистемологическую схему, так как опирается на трансцендентальные знания-верования в единство человечества и его истории, в возможность индивидуального совершенствования и социального прогресса, в гармонизацию социальных и социоприродных отношений. При таком подходе эмпирико-историческая и парадигмальная дискретность представляют внешнюю, «горизонтальную» сторону мирового исторического процесса, тогда как «вертикаль» характеризует его непрерывность и кумулятивность. Рефлексию духа, историософию, дополняет философия истории как всеобщая ме-

тодология наук исторического круга. Представления современной постнеклассической науки о развитии открытых, сложных, самоорганизующихся систем в неоклассическом философском подходе эксплицируются способом, противоположным крайностям постмодернизма.

Завершая краткое раскрытие смысла неоклассического философского подхода, следует подчеркнуть, что обращение к основным положениям классической философии обусловлено тем, что в них предельно ясно сформулированы универсальные, «вечные», смысложизненные вопросы, обладающие мощным эвристическим потенциалом. Неоклассический подход стремится к реализации этого потенциала – выработке устойчивых ориентиров, отвечающих запросам современного постиндустриального общества. Он нацелен на комплексное, объемное исследование антропо-социокультурной реальности и предполагает, что «фокусом стереоскопического» видения является личность, ответственная как за конструирование собственной, так и социальной сущности. Признавая значимость открытия культурологией и социологией «игровой» ипостаси человеческой природы (Й. Хейзинга), реализующей себя в обществе через «калейдоскопическую смену ролей» (Р. Дарендорф), неоклассический подход отдает предпочтение классическим установкам о примате серьезного, уважительного отношения человека к жизни, ответственности за свои действия перед другими людьми, а также перед природой.

Идея гражданского общества – зрелый продукт развития экономической, политической и философской мысли эпохи Просвещения, когда на теоретическом уровне произошло отделение государства и общества как сферы частных интересов граждан. В философской рефлексии началом этого отделения явилось учение Дж. Локка, определившего границу между долиберальной, ориентированной на государство и либеральной, ориентированной на индивида, эпохами. Одной из предпосылок его социальной концепции было убеждение в том, что сущностью общества и главной сферой взаимодействий людей является политика. Поэтому дальнейшее продвижение социума по пути прогресса должно определяться реформированием государственной власти, легитимность которой определяется волей народа, конституированной в законах, обеспечивающих политическое равноправие граждан, в том числе выходцев из «третьего сословия». На деле это означало свободу в реализации экономических интересов индивидов на основе взаимовыгодных партнерских отношений.

«Коперниканский» переворот в политической философии завершили французские просветители. Не случайно И. Кант признал, что именно Ж.Ж. Руссо заставил его изменить отношение к простым людям. Концентрированное выражение новые взгляды получили в формулировке главного

принципа гражданского общества – «не человек для общества, а общество для человека».

Онтологический и гносеологический аспекты этой идеи в «Философии права», других работах прояснил Г.Гегель. Он представил философско-диалектическую интерпретацию исторического движения человечества к совершенному, «нравственному состоянию». Согласно учению классика гражданское общество и государство представляют подвижное тождество противоположностей особенного и общего. Философ утверждал, что хотя гражданское общество появляется и позднее государства, но как особенное оно обособляется, лишь имея перед собой целое, государство. Логически более совершенная ступень развития объективного духа, государство, преодолевает, по мнению Г. Гегеля, субъективизм частных интересов и обеспечивает гармонию рассудка и разума в высшей форме, нравственном обществе. Диалектическое, логически-безукоризненное решение проблемы Г.Гегель артикулировал следующим высказыванием: «Способствуя осуществлению моей цели, я способствую и осуществлению всеобщего, а оно в свою очередь способствует осуществлению моей цели» [2, с. 229].

К. Маркс, в параграфе 10 «Тезисов о Фейербахе», основываясь на материалистической философской интуиции, выразил сходное убеждение. Он подчеркивал, что точкой зрения «нового материализма» является не гражданское, а человеческое общество или обобществившееся человечество. Одновременно, в отличие от своего философского учителя, К.Маркс не стал апологетом действительности, а продолжил дело французских романтиков, разработал проект революционного переустройства буржуазного общества. Однако, как и гегелевская диалектика, экономическая теория К.Маркса была «догматизирована» ее создателем (К.Ясперс), а впоследствии многочисленными адептами и практиками марксизма.

Характерной чертой и закономерностью развития социального познания в постклассическую эпоху явилось создание теоретико-технологических проектов по реализации универсальных социальных моделей просвещения, буржуазно-реформаторской и пролетарско-революционной. Воплощение этих моделей в действительность сопровождалось небывалым ранее в человеческой истории противоборством между либерально-демократической и коммунистической идеологиями. Победе первой в немалой степени способствовал антиутопизм, учет как положительных, так и негативных последствий социальной деятельности. Политическому руководству стран евро-атлантического мира удавалось своевременно реагировать на конкретные изменения социально-экономической и политической ситуаций, включая уроки революционных событий в России, национально-освободительных движений в странах Азии, Африки и Латинской Америки. В то же время, безудержный активизм руководителей стран, строящих социализм, привел их народы

к итогам, противоположным задуманным и пропагандируемым. Вместо отмирания государства, его власть приобрела тотальные масштабы.

Однако свобода рынка, политика уступок, введение элементов строительства государства «всеобщего благоденствия» обеспечили капиталистической системе лишь временную устойчивость к социальным бурям и штормам. В последние десятилетия XX-го столетия устойчивость капиталистической «миро-системы» (И. Валлерстайн), в том числе и ее политической подсистемы, буржуазного варианта гражданского общества, нарушилась. Как отмечает Э. Тоффлер, рационализация политико-экономической деятельности, превращение знаний в самый мощный источник власти продуцировали возникновение «прибавочного порядка». Этому предшествовал процесс отделения политической деятельности от других форм социальных взаимодействий, сопровождавшийся обособлением политической касты чиновников, ослаблением демократического контроля общественных организаций, успокоенных относительно высоким уровнем материального благосостояния граждан, за работой государственного аппарата. В результате, вместо классического идеала, построения гармоничного, нравственного общества с бесконечным потенциалом возможностей было создано общество массового потребления. В нем целью деятельности государства становится принцип: «жизнь для политики», а целью гражданского общества – реализация принципа, аналогичного для древнеримского общества, «хлеба и зрелищ».

Еще одним негативным следствием рационализации и бюрократизации общественной жизни, помимо установления «прибавочной власти» государства, расширения его возможностей манипулировать общественным мнением некомпетентного и незаинтересованного в коллективной жизни общества, при переходе к информационному обществу, является возникновение обратной тенденции, проявляющейся в неспособности государства справиться с новыми социально-культурными процессами. С уходом в прошлое «эпохи фабричных труб», прогнозирует Э. Тоффлер, «будет расти число экстремистских групп, для которых демократия – это причиняющая неудобство помеха [3, с. 226]. Серьезную опасность для развития общества, таит в себе еще один феномен современной истории, мультикультурализм. Как полагает другой известный американский социолог И. Валлерстайн, опасность мультикультурализма заключается в том, что ему чужды какие-либо самоограничения.

На глобальном уровне ослабление организационной функции государства проявляется в росте межгосударственных конфликтов, грозящих перерасти в цивилизационные разломы. Западная цивилизация, распространяющая свое влияние в течение последних двух столетий на всю планету, объединившая страны и регионы в единую капиталистическую миро-си-

стему, не столько способствует установлению всеобщего гражданского мира, сколько подстрекает «периферийные» государства к войнам за участие в распределении экономических благ. Деятельность международных политических организаций, призванных сдерживать военные конфликты, как показывают события последних десятилетий, с каждым годом становится все менее эффективной.

В течение минувшего столетия общественные науки также развивались в фарватере технолого-позитивской метафизики. Многие социальные исследования были направлены на обслуживание идеологических доктрин либерального демократизма и коммунизма, используя проверенные временем приемы схоластического теоретизирования. Более продуктивными оказались разработки различного рода социальных «инженерных технологий». В этих условиях научные прорывы подобные марксизму были исключены. Приняв на вооружение «объясняющую» методологию естествознания и игнорируя «понимающую» эпистемологию гуманитарных наук, общественные науки существенно ограничили свои эвристические и прогностические возможности. Концепции «открытого общества» К. Поппера и «системы социального действия» Т. Парсонса были скорее исключением, чем правилом. Кроме того, они также ориентированы на стимулирование эмпирических исследований.

Философия в этот период, эксплицируя сциентистскую интенцию социального и гуманитарного познания, существенно продвинулась в совершенствовании рефлексивной методологии. Однако, достижения философского «микроскопа»: феноменологии, герменевтики, аналитической философии, способствующие открытию субъективных, «интимных» сторон социального бытия, не были в достаточной мере учтены обществознанием. Вместе с тем, для воспроизведения целостной картины современного общества, проектирования пути его развития необходимо восстановление статуса методологического «телескопа» классики – диалектики.

Исторические вызовы современного информационного общества, синергетический переворот в эпистемологии интерпретируются постмодернизмом не только как «кризис универсализма», но как «кошмар историзма» и гипернеопределенность прогнозирования будущего. В социальной философии синергетические представления об обществе как саморазвивающейся многоуровневой антропо-социо-культурной системе, трудность исследования которой обусловлена тем, что сложность ее строения умножается на сложность ее развития, создают благодатную почву для нигилистических умонастроений и тиражирования фантастических футурологических проектов будущего. С другой стороны, постмодернистская социально-философская рефлексия открытий постнеклассической науки делает прогноз о будущем обществе предельно ясным, а именно: существующий относи-

тельный порядок современной социальной системы неизбежно сменяет хаос и анархия. Философский релятивизм, постулируемый «новейшими» философами выгоден только благоденствующему «здесь и сейчас» меньшинству общества.

Неоклассическая гипотеза предлагает исправить aberrацию классической идеи гражданского общества, блокировать крайности нигилизма и «игрового отношения к жизни» посредством анализа не столько действующих, сколько целевых причин, формулирования и обоснования честных ответов на вопросы о том, какие современные смыслы вкладываются в понятия «гражданское общество» и «государство».

На наш взгляд, гражданское общество в современном понимании представляет собой царство частных интересов индивидов, требующих неограниченной свободы по обеспечению своей жизни во всех спектрах ее проявления. Однако претензии индивидов на неограниченную свободу, как показывает исторический опыт, утопичны, ибо ориентируют на заведомо неосуществимую цель: достижение бесконечного в ограниченный, конечный срок человеческой жизни. В XIX веке ложность и ущербность абсолютизации эстетического идеала убедительно показал в своей работе «Наслаждение и долг» С. Кьеркегор. В то же время становится ясно, что идеалы и потребности социальных индивидов невозможно реализовать исключительно экономико-политическими средствами.

Расширение многообразия потребностей корректирует и отношения граждан с государством. Все более полное удовлетворение растущих потребностей индивидов требует качественной перестройки «вертикали» общества, государственной системы, изменения характера ее взаимодействия с «горизонталью», гражданским обществом. Следуя логике истории, функции государственного управления должны количественно сокращаться при одновременном их качественном совершенствовании. И наоборот, все больше управленческих задач должно решаться на низовом уровне, самостоятельными организациями граждан. Но в социальной практике современных западных государств этот процесс идет крайне медленными темпами.

Государство, представляющее собой политическую инстанцию общества, обладающую атрибутами публичной власти, территории, налогообложения, не сокращает свой бюрократический аппарат и уклоняется от передачи управленческих полномочий общественным организациям. Неокантианцы, зафиксировавшие важную роль в эволюции общества аксиологического фактора, фактически указали и на основную причину торможения процессов демократизации – подмену этики долга эстетикой наслаждения. В переходный период трансформации капиталистической системы оголились опорные моральные источники политико-правового режима. Это привело к разбалансированию «двух ветвей порядка» (Аристотель): этоса как

совокупности этических, устойчивых черт характера, присущих индивидам, и государственного порядка, субъективного и объективного.

Подмена целей средствами, сведение высших духовных ценностей к низшим при доминировании формально-технологической трактовки политической деятельности обнаруживается даже у харизматических лидеров. Так, Л. Троцкий в письме от имени оппозиции в ЦК, ЦКК ВКПб. настаивал на ч е с т н о м (разрядка моя, О.П.) созыве XV съезда партии, апеллируя к честности В. Ленина. Однако сам Троцкий чаще руководствовался в своей политической практике другой установкой «вождя мирового пролетариата», объективированной им на XI съезде партии большевиков: «полагаться на убеждения, преданность и прочие превосходные качества – это вещь в политике совсем несерьезная» [4, с. 16]. Современным политическим технологам и стратегам политических игр следует напомнить слова основателя концепции «человека-играющего» Й. Хезинги о том, что «во всяком нравственном сознании, основывающемся на признании справедливости и милосердия, вопрос «игра – или серьезное», так и оставшийся нерешенным, окончательно умолкает» [5, с. 211].

Восстановление меры соотношения государственного и общественного порядка возможно при условии возвращения в менталитет общества высших, «горних», ценностей, ограничивающих эгоистические интересы индивидов ответственностью и долгом. Моральные императивы, вопреки существующему мнению некоторых социологов и политологов, должны распространяться и на корпорацию политиков, сочетаться с их профессиональной этикой. Гармонизация человеческого и профессионального в этосе чиновников – необходимое условие повышения качества государственного управления. Этика убеждения и профессиональная этика подобно теоретическому и практическому разуму имеют общее основание. Сущность его заключается в признании высшей цели – саморазвития и самореализации человека.

В современном постэкономическом обществе на получение статуса фундаментальных и трансцендентальных претендуют идеалы, выстраданные человечеством в ходе его длительной и трудной истории: гуманизм, ответственность, солидарность, сотрудничество. Эгоистическая этика, в отличие от этики долга, имеет своим источником деятельность свободного предпринимательства, у которого, как саркастически заметил американский социолог П. Бергер, «если и осталось что-то общее с прежним предпринимательством, так это готовность надуть своих сограждан» [6, с. 105].

Современное западное общество пока что имеет в своем духовном арсенале небольшой запас гуманистических ценностей. На сегодняшний день, по мнению Ф. Фукуямы, «единственная моральная директива, которую обеспечивает либеральное общество, – это универсальные обязатель-

ства терпимости и взаимного уважения» [1, с. 382]. Но этого недостаточно для восстановления необходимого «социального капитала», ибо погруженные всецело в частную жизнь, индивиды превращают социальную систему в неустойчивую, а государство в неконтролируемое.

Следует отметить, что передовая евро-американская философия и культурология минувшего века разработали новые принципы и механизмы взаимодействия социальных субъектов: этику ответственности (персонализм, экзистенциализм), теорию коммуникативного действия (прагматизм, аналитическая философия). Например, еще в начале XX века один из основателей американского прагматизма, «философ демократии» Дж. Дьюи отмечал необходимость взаимопонимания и коммуникации, так как если «способность видеть делает нас наблюдателями, то способность слышать превращает нас в участников» [7, с. 159].

Современную теорию коммуникативного действия предложил немецкий философ Ю. Хабермас. Смысл ее заключается в замене инструментального разума, ориентированного на успех и эффективность, коммуникативным разумом, нацеленным на взаимопонимание. В теоретическом дискурсе для этого необходимо признание универсальных основ аргументации: равноправия участников, готовности их к консенсусу, к принятию более убедительных и весомых аргументов противников, открытости, честности. Синтезирующим результатом оснований коммуникации является принцип интересубъективности, предполагающий установление между людьми отношений, когда один субъект может быть единым с другими и при этом оставаться самим собой. В политической сфере коммуникационные действия способствуют преобразованию властных функций государства в самоуправление общественных организаций.

Еще один источник социального консенсуса «подсказывает» пример успешного политико-экономического и социально-культурного развития в последние десятилетия стран Юго-Восточной Азии. Это необходимость учета культурных традиций, норм и верований. Синтез этого опыта с теоретическими достижениями западной философии и культурологии способствует интеграции высших общечеловеческих, прежде всего этических ценностей, распространению морального видения на широкий круг вопросов, содействует переходу к воспроизводству отношений между государством и гражданским обществом на принципах не «формальной», а «сущностной рациональности» (М. Вебер). Сущностная рациональность предполагает установление в обществе более «теплых» отношений, взаимопонимания и сотрудничества.

В заключение отметим, что: неокласическая философская интерпретация проблем гражданского общества исходит из назревшей потребности в нейтрализации действия дезинтегрирующих, деструктивных тенденций истории. Она предполагает, что одним из главных источников восстановления устойчивых

отношений в современном обществе является реализация основного демократического принципа гражданского общества, сформулированного и диалектически обоснованного философами-классиками эпохи Просвещения.

Сбалансированное развитие двух ветвей власти, государства и гражданского общества, разработка приемлемых для общества сценариев будущего возможны лишь с учетом расширения поля социально-культурных взаимодействий. Этому препятствуют: узкая специализация политической деятельности, эстетизация потребностей современного западного общества, «всеядность» и «игровое» отношение к социальному познанию философии постмодернизма.

Неоклассическая экспликация установленных социальными науками причин дисгармонии государства и гражданского общества заключается в гипотезе о необходимости реконструкции аксиологического пласта социальных отношений через восстановление частично утраченного современным обществом верховного статуса этических ценностей: гуманизма, ответственности, сотрудничества и других, – в распространении моральных императивов на широкий круг вопросов, включая политико-правовые.

Перестройка взаимоотношений государства и гражданского общества посредством, соответственно, сокращения – расширения их функций в управлении обществом возможна при замене «формальной» рациональности «сущностной», субъект-центрированного разума – коммуникативным, с учетом этно-национальных культурно-исторических традиций народов. Философия в этом процессе принимает активное участие: опираясь на классический принцип преемственности этических учений, наделяет высшие ценности трансцендентальным смыслом, способствует их превращению в знания-верования.

Библиографический список

1. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. — М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. — 133 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. — М.: Мысль, 1990. — 176 с.
3. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. — М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. — 97 с.
4. Архив Л. Троцкого. В 4-х т. Коммунистическая оппозиция в СССР в 1923–1927 гг. — М.: Терра, 1990. — 256 с.
5. Хейзинга Й. Homo Ludens = Человек играющий. Статьи по истории культуры / Й. Хейзинга. — М.: Аспект-Пресс, 2003. — 108 с.
6. Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистические перспективы / П. Бергер. — М.: Аспект-Пресс, 1996. — 132 с.
7. Дьюи Дж. Общество и его проблемы / Дж. Дьюи. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 115 с.

Поступила в редакцию 15.11.2004 г.